

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ:

ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ ИЗ НАШИХ ГОЛОВ
СТАЛ УХОДИТЬ УГАР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

19

Творчество белорусской писательницы Светланы Алексиевич хорошо известно в Советском Союзе. Она — автор "У войны не женское лицо", "Последний свидетель", "Цинковые мальчики", пьес, сценариев документальных фильмов. Лауреат Государственной премии СССР, премии Ленинского комсомола, литературной премии Николая Островского и Константина Федина, член Союза писателей СССР, член Союза кинематографистов СССР.

Мы встретились со Светланой Алексиевич в Москве после приезда ее из Вены, где она работала над монтажом новой документальной двухсерийной картины "Служба Ленинграда". Первая серия называется "Из бездн", а вторая — "Люди и война". Этот фильм снимался австрийской фирмой Око Медиа при посредничестве с советской стороны Творческо-производственного объединения "Паритет".

— Светлана, вы родились после войны, но ваше творчество связано с военной темой. Почему она вас интересует?

— Я родилась в деревне, и то, что слышала от деревенских людей о войне, было совсем не похоже на ту войну, о которой я читала в книгах. В их воспоминаниях война была более жестокая и страшная, но в то же время, более человечная, война с большим количеством человеческих подробностей и человеческих страданий. Мне хотелось понять, что такое война, хотелось увидеть и показать войну не официозную, не генеральскую, даже не окопную, а войну как бы женскими глазами. И когда я начала работать, я вдруг увидела, что об этой войне мы не имеем представления.

— Как получилось, что вы стали автором сценария

этого австрийско-советского фильма, где режиссером-оператором работала тоже женщина?

— В основном я работала с мужчинами-режиссерами. Это другая цивилизация, другой мир чувств, другой мир понятий, даже другой язык. И особенно когда снимаешь фильм о женщинах. Есть такие вещи, которые, когда женщина говорит женщине, звучат нормально. А когда об этих тайнах говорят мужчине, получается, как мне кажется, какая-то двусмысленность. Мне уже давно хотелось поработать с женщиной. Мне казалось, что у нас будет один взгляд на мир.

Я видела несколько фильмов режиссера-оператора Марины Голдовской, и они мне очень понравились. Я помню, сама послала ей свои книги, написала, что мне хотелось бы сделать фильм. Потом Марина приехала в Минск, и мы с ней познакомилась.

Я давно взяла себе за правило работать с тем, кто мне нравится как человек, и с кем мне интересно.

— Расскажите о вашей работе с Мариной Голдовской.

— Мне очень интересно работать с ней, потому что она новый человек в этой "военной" теме. И потом, я люблю работать с людьми, у которых можно поучиться. У нее интересное сочетание жесткого мужского глаза и, в то же время, сохраняется женская доброта, женское отношение к жизни. Она обладает очень точным операторским и режиссерским взглядом.

Я иногда себя ругаю за то, что занимаюсь театром, кино, а не занимаюсь только литературой. Но в то же время когда я работаю с интересным человеком (а сейчас я стараюсь только так и делать), то я больше приобретаю, чем теряю. Потому что кино — это другое совершенно искусство, другой на-

бор средств, другая система образов. А когда возвращаешься за письменный стол, то время как бы увеличивается.

— Картина снималась в разных городах Советского Союза: Ленинграде, Минске, Брянске, а также за рубежом, в Мюнхене, Берлине, Вене, Цюрихе. Как вы находили героев для своего фильма в СССР и других странах?

— Героев здесь, в Союзе, практически всех я знала.

Мы выбирали людей ярких, эмоциональных; тех, которые могут интересно рассказать. Но в принципе это совершенно неважно. Историческое знание заключено в каждом человеке. Мы могли прийти к любому ленинградцу и он мог рассказать что-то о блокаде. Мы могли прийти к любой бывшей партизанке, бывшему солдату, любому немоющему ребенку, и мы что-то слышали о войне, и что-то узнавали, потому что они несут в себе кусочки того времени. И в документальной литературе важен не столько сам герой (хотя и это тоже очень важно), как важна идея, тот угол зрения, под которым видишь. А что касается немецкой стороны, хотя было много случайностей, может быть мы могли найти других людей, но все равно это были представители своего поколения. Ту правду, которую мы искали, они принесли. Герои — сама жизнь.

— Хотя фильм австрийско-советский, его, наверное, будут показывать не только в Австрии и СССР, но и Германии, Швейцарии и других странах. На военную тему снято много и игровых, и документальных фильмов; будет ли эта картина интересна и понятна зарубежным зрителям? Ведь делала фильм советская киностудия?

— Мне очень хочется, чтобы картина прошла в СССР, потому что у нас о войне хоть и написано сотни тысяч книг, снято сотни фильмов, но люди не знают полной правды. Только сейчас из наших голов стал уходить угар победителей. Только теперь начали называть цифры нашей победы: уже го-

ворят о сорока миллионах, а то и больше. Это страшная Победа, трагическая победа.

Фильм делали советские люди, но не те, которые были десять и даже пять лет тому назад. За это время мы столько осмыслили! Представьте себе этот фильм несколько лет тому назад просто невозможно, потому что мы смотрели на войну только с одной стороны. Немецкой стороны как бы не существовало. Это были бандиты, насильники, уголовники, и вообще ненормальные люди. Но как оказалось, и у нас было такое же количество бандитов, насильников, уголовников: тех, кто обслуживал наши лагеря, кто обращался со своим народом по-зверски. Значит, речь идет о ненормальности идей, а не о ненормальности людей. Когда ненормальная идея овладевает головами людей, вот тогда они становятся ненормальными. Любимый народ имеет одинаковое количество уродов, садистов, — это не значит, что виновата нация.

И еще мы попытались сказать в этом фильме, что на уровне бытия вражды между людьми нет. Что когда люди сидели за одним столом, как это было в Германии, Швейцарии, Австрии или в России, вражды друг к другу не было. Наоборот, и что самое непостижимое, русские женщины вспоминали, как иногда немецкий солдат оказывался милосердным. Когда мы были в немецких домах, то среди полных ужаса воспоминаний о том, как наш солдат ворвался в Берлин, были и прекрасные добрые воспоминания о русских солдатах. Мы

снимали женщину, которая родилась от русского солдата. И хочет найти своего отца. Люди могут найти общий язык. Вражда начинается на уровне политики. А маленький человек, просто человек, становится заложником своего времени, заложником государства. В нашей картине мы говорили о трагедии народов, так удивительно похожих. Русский человек всегда был непонятен, закрыт в каком-то непонятном социалистическом лагере. А сейчас мы как бы разговариваем со всеми на одном языке. Я думаю, что в других странах, где будут показывать фильм, будет интересно все увидеть как бы вблизи. Они увидят, что на войне все было так похоже — страшно и трагично — и у нас, и у них.

— И традиционный вопрос о ваших творческих планах.

— У меня сейчас несколько идей в работе, но самое ближайшее — это Чернобыль. Условно эта книга будет называться "Родится убитым" — это о чернобыльской аварии, которая произошла у нас, но не только об аварии, но и о нашей идее, которая стоила столько крови, которая неминуемо, начавшись на крови невинных детей царской семьи, должна была прийти к этому апокалипсису, к этому Чернобылю. И о том, как сейчас вымирает народ, белорусский народ, 70 процентов заражено, и как человеческая жизнь целого народа ничего не стоит. Вот об этом эта страшная книга. Так что я никак не могу заняться чисто женской темой, и остаюсь военно-историческим писателем.